

Николай Рудковский

Дожить до премьеры

Комедия в двух актах

Действующие лица

Вера.
Леша.
Катя.
Инструктор.
Женщина.

Первый акт

Однажды партизанке Вере приснилось, что она бабочка: она весело порхала, была счастлива и не знала, что она — партизанка. А проснувшись внезапно, даже удивилась, что она — Вера. И не знала уже: ей ли снилось, что она — бабочка, или бабочке снится, что она — партизанка.

Сцена 1

Мартовская ночь, теплая постель.

Вера. Тише. Не храпи. Тише. Повернись на другой бок.

Леша. Ой.

Вера. Тсссс. Немцы услышат, придут.

Леша. О-о-ой.

Вера. Не "ой", а не храпи так громко. Всех фашистов разбудил.

Леша. Да спят твои фашисты.

Вера. Не спят.

Леша. Спят, дрыхнут, сопят. Крепко. Они устали за день партизан искать, убивать и спят, короче, как убитые.

Вера. Нет. Они рядом.

Леша. Ё! Ё! Ё! Ё! Ё! Далекo они. Устали целый день с овчарками бегать.

Вера. Что ты несешь?

Леша. Ты в сапогах по лесам и болотам побегай. За овчарками. Знаешь, как ноги за

день устают?

Вера. Леша...

Леша. И расстреливать в день по десять человек — глаза и руки отнимаются. Вот они и спят без задних ног.

Вера. Дурачок.

Леша. А утром. Два дома утром сожгли. Сколько им пришлось трудиться: сена натаскать, керосином облить, углы подпалить. Канистры с керосином такие тяжелые. Ё! Ё! Ё! Перетаскивать их туда-сюда. Тяжесть такая. А сейчас март, кругом грязь, скользко...

Вера. Началось!

Леша. А потом дым-гарь нюхать. Вонь! Убивать, расчищать все. Ё! Ё! Протоколировать, документировать без выходных и премиальных, как мне спать хочется...

Вера. Какой цинизм. Перевернись на другой бок и спи.

Леша. Ах, цинизм! Фашистам хорошо. Они спят сладко. А ты меня разбудила. Сколько времени?

Вера. Нечего храпеть.

Леша. Нечего сказки о войне придумывать.

Вера. Все. Спи.

Леша. Ё! Ё! Ё! Три часа ночи.

Вера. Надоел.

Леша. А как ты мне надоела.

Вера. Все. Отбой.

Леша. Лучше бы нацисты пришли и тебя в гестапо забрали. Научили бы тебя в застенках хорошему воспитанию...

Вера. Не бурчи. Один глазик закрывай, второй закрывай... И не храпеть.

Сцена 2

Туманный день. Еще туманнее в кафе от дыма сигарет.

Вера. Сигарета еще одна найдется?

Катя. Да, бери... Ой, в солярии новые лампы поставили, ягодицы сгорели и чешутся.

Вера. Как вчера с домашними прошло?

Катя. Пока никак.

Вера. Кать, сколько можно тянуть?

Катя. Сколько, сколько... Я не смогла. У тебя хоть муж молодой, богатый и веселый. Посмеется и простит. А у меня родители старые и с юмором у них, как в нашем театре с зарплатой.

Вера. Ай, у тебя всегда отговорки. Две недели репетируется эта военная пьеса, а ты еще ничего не придумала, чтобы оправдать свой образ.

Катя. Ну почему же? Вот вчера я, типа, в танке горела.

Вера. Это в солярии?

Катя. Да. Сейчас в колготках так неудобно: еще больше чешется.

Вера. А как партизанка оказалась одна в танке?

Катя. Ну... Ну... Да не одна! Попросила подвезти.

Вера. Кого?

Катя. Немцев. Они как раз за город ехали. Прокатились пару километров, я и подорвала всех. Еле живая осталась.

Вера. Какая чушь. Ты так несерьезна, как и мой Леша.

Катя. Но попа моя болит серьезно.

Вера. Не болит, а только чешется.

Катя. Ага! Только! Еще как чешется! Кремик

бы сейчас...

Вера. Боль душевную придумать надо, обыграть. Я каждую ночь мужа бужу, проверяю его и себя, что делать, если фашисты нас обнаружат...

Катя. А Леша не убьет тебя раньше?

Вера. Нет, привыкает...

Катя. Ага, к твоим облавам.

Вера. Да, надо переходить к более активным действиям.

Катя. Надо... Вера, хочешь, я на нарах спать буду, как в камере-одиночке?

Вера. Хочу. Но этого мало.

Катя. Не в одиночке?

Вера. Да. Надо чужую реакцию изучать. Ты будешь с родителями в одной комнате спать на полу.

Катя. Почему на полу?

Вера. Нары ты будешь до премьеры делать.

Катя. А в моей комнате что будет?

Вера. В ней будет прятаться еврейская семья. Ты дверь забьешь и шкафом задвинешь. И чтобы из окна никакого света.

Катя. Что же я родителям скажу?

Вера. Правду. Нашу. Реакция будет странная, возможно бурная, но ты должна убедить их. Ты актриса партизанка. И наблюдай за их реакцией...

Катя. Ага, по Станиславскому. Ой, мамочки-и...

Вера. Да! Это тебе не одним местом краснеть, здесь талант нужен.

Катя. Как же я с ними в одной комнате?

Вера. Ничего, подвинутся. В детстве так ты любила к родителям в постель залезть?

Катя. Так это в детстве. Ночью страшно было.

Вера. А на войне не страшно?

Катя. Еще не знаю. Хоть бы психбригаду на меня не вызвали.

Вера. О, точно! Телефон обрubi! Как будто бомбежка была. И я дома телефон отключу. Только мобильные себе оставим.

Катя. Да, в армии связистки нужны... А что у тебя сегодня по плану?

Вера. Проверим в фитнес-клубе фонограмму из спектакля.

Катя. Не порти людям фигуры.

Вера. Этим не испорчу. Еще быстрее калории сбрасывать будут.

Катя. И зачем наш Иваныч спектакль про войну ставит? Нет, чтобы комедии про любовь или мелодрамы про... про...

Вера. ...любовь.

Катя. Ага. А то пьесы про войну меня так выматывают. Так выматывают меня... Еще по соку, и на фронт?

Вера. Давай. Пол-литра за победу.

Сцена 3

Пустынный тренажерный зал, грустный Инструктор по фитнесу слушает романс.

Вера. У вас сегодня аншлаг.

Инструктор. Да, блин. Спасибо, что зашли на огонек. А то я думал, все меня забыли, не любят...

Вера. Я не за любовью сюда хожу.

Инструктор. Вот так всегда. Я с любовью, блин, улучшаю ваши тела для любви, а любят вас другие.

Вера. Не угадали. У меня другие цели. Можно поставить этот диск, пока я буду на беговой дорожке?

Инструктор. Пожалуйста! Что за группа? Вера. Собачий лай.

Инструктор. Блин, рэп, что ли?

Вера. Настоящий лай. Немецких овчарок.

Инструктор. Действительно, гавкают, блин.

Вера. Я побежала.

Инструктор. Не перестарайтесь. За пульсом смотрите, а то собаки вас загонят.

Вера. Хо-о-оро-о-ошо-оо.

Инструктор. И за дыханием следите.

Вера. О-о-отва-а-а-ли-и-те...

Инструктор. Я в детстве хотел иметь собаку. Хорошо вел себя, убирал за собой. А папаша-придурак купил мне морскую свинку, блин. Да, она мохнатая, как щенок, но не щенок, блин. Я думал, она в натуре морская, взял ее в ванную с собой плавать вместе. Она лапками сучила, скользила по плитке и — бултых. Прошло время. В школе я снова попросил собаку. Даже учился всю четверть на четыре и пять, блин. А мне купили двух попсовых хомячков и двух попугайчиков — такие, блин, панкуши с хохолками-ирокезами!

Вера. Не-е-е вы-ы-жи-и-или-и?

Инструктор. Да, блин. Погибли смертью храбрых. Подробности нужны?

Вера. Не-е-е-т.

Инструктор. На кой черт мне четыре маленьких уродца, когда мне нужна одна нормальная собака? Я обиделся на взрослых и придумал, что я сам собака. Злой кобель. Я стал заниматься спортом, чтобы в будущем давить всех этих волнистых, пушистых, неформальных ублюдков, блин.

Вера. Пти-и-иче-е-ек?

Инструктор. Нет, всяких отбросов. Я думал пойти в милицию, ОМОН, а меня не взяли, блин. Поступил в институт физической культуры.

Вера. Вы-ы расстро-о-е-е-ены-ы?

Инструктор. Вот еще, блин! У меня теперь хобби. Я подрабатываю на дому.

Вера. Ке-е-е-ем?

Инструктор. Теперь все эти мелкие и слабые пернатые грызуны с хохолками ко мне сами приходят за сильными чувствами. И еще платят мне.

Вера. Ой, больше не могу бежать... Ой... Не поняла вас, за что платят?

Инструктор. За сильные чувства, понимаешь?

Вера. Нет.

Инструктор. За мучения, блин.

Вера. Вы... садо-мазо?

Инструктор. Нет! Да что вы! Нет. Только садо. Давлю, бью, унижаю, пытаю...

Вера. Пытаете?!

Инструктор. Да, пытаю. А что?

Вера. Ничего. То есть это здорово. Даже очень здорово. Здоровее не бывает.

Инструктор. У вас глаза засверкали, блин.

Вера. Да-да. Может быть. Идея одна появилась.

Инструктор. Если что, могу помочь.

Вера. А у вас фантазия хорошо работает?

Инструктор. Ну да, блин. А что?
Вера. Фашистом уже были?
Инструктор. Нет... Но пора.
Вера. Замечательно. А что, если я с подружкой приду?
Инструктор. Блин. Ну... ладно. Чем больше, тем лучше.
Вера. Телефон запишите свой.

Инструктор. Да, да.
Вера. А почему вы сейчас не заведете собаку?
Инструктор. Чтобы ничего не забыть. Вот номер моего телефона. Приходите, не пожалее. Мы с вами... Мы с вами... брызнем страстью, как майонезом... мимо бутерброда.
Вера. Ого, блин.

Сцена 4

Темная комната. Даже чересчур.

Вера. Уже пришел? Переодевайся и помоги мне.
Леша. Что за сумраки? Тебе дали роль вампириши?
Вера. Нет, я делаю затемнение на случай авианалета.
Леша. Ага, в небе "ночные ведьмы".
Вера. Ты правильно мыслишь.
Леша. И за тебя я сильно волнуюсь к тому же.
Вера. Не надо.
Леша. По-моему, ты переигрываешь.
Вера. Я еще не начала даже играть. А еще в жэке сказали, что воду с электричеством будут периодически отключать с девяти вечера до девяти утра.
Леша. Хорошо ты это придумала: в темноте и не мыться.
Вера. И перебои с телефонной линией.
Леша. Еще лучше. А на ужин что?
Вера. Картошка в мундирах.
Леша. Чего?
Вера. Того. В наше время это роскошь.
Леша. Знаешь, Вера, я и так терплю твои партизанские выходки, но если ты еще и кормить меня не будешь...
Вера. Кормить не буду? А чем картошка тебе не угодила? В мундирах!
Леша. Разве я так мало зарабатываю, чтобы пальцы твоими мундирами пачкать?
Вера. Не гневи Бога.
Леша. Да что это такое?! Ты пастор или партизанка?
Вера. Партизанка, верующая партизанка.
Леша. Верующая Вера...
Вера. Вера, верующая в то, что если люди

выжили тогда, то и сейчас могут печеную картошку с удовольствием есть. Только не могу я пока понять, как они выжили? Вот в чем дело.
Леша. Я тоже не могу. Может, тогда успокоимся и в кафе пойдем?
Вера. Ни за что. Я лучше блокадный Ленинград здесь устрою, чем предам свои идеи.
Леша. Чушь все это! Ты не такая великая драматическая актриса и тебе не платят такие гонорары, чтобы ты так все это переживала, ставила эксперименты на себе, на мне...
Вера. Да, я не великая. Но мне это надо познать уже даже не как актрисе. Мне это интересно как человеку, современному человеку, женщине, гражданке, на чьей родине была война. Пойми меня.
Леша. Я жрать хочу! В мире кризис, я кручусь, как немецкая овчарка на работе, доходы падают, не могу поехать в отпуск, потому что везде свиной грипп. Вот что интересно современному человеку: как выжить сейчас?! Сейчас! Сейчас! И пожрать бы.
Вера. Вот! Вот. Давай вместе выживать. Вместе. Выживать.
Леша. Ё! Ё! Ё! Ё! Ё! Ё! Ё!
Вера. Хочешь, я тебе картошку от мундиров почищу?
Леша. Я сам. Вспомню детство. Трудное детство.
Вера. Потерпи немножко. Через месяц премьеры.
Леша. Через месяц? Ё! Ё! Ё! Пора открывать второй фронт.

Сцена 5

Вывеска "Золото. Ломбард. Ремонт часов" и так далее. Женщина с сумками, пакетами и тому подобным.

Женщина. Золото? Серебро? Медали?
Вера. Что-что?

Женщина. Что сдавать несешь?
Вера. Я?

Женщина. Нет! Пушкина жена! Что у тебя?
Вера. Запонки мужа.
Женщина. Золотые?
Вера. Платиновые.
Женщина. Дожилась. Покажи, что за цапки такие?
Вера. Вот. От Армани.
Женщина. Покойного. А ничего так. Красиво.
Вера. Нравится?
Женщина. Нравится — не нравится, сколько хочешь, красавица?
Вера. Пять буханок хлеба.
Женщина. Ты что?!
Вера. Четыре. Не меньше...
Женщина. Буханок хлеба?
Вера. Да.
Женщина. А где я тебе их возьму? Четыре буханки!
Вера. Женщина, пожалуйста. Хорошие ведь запонки. Я только четыре хлеба прошу...
Женщина. Какого хлеба? Какого такого на фиг хлеба?
Вера. Любого. Поменяйте, прошу вас. Это же Армани...
Женщина. Да нет у меня хлеба! Деньги бери.
Вера. Нет хлеба? Как нет хлеба? Нам есть нечего.
Женщина. Да что это сегодня такое?
Вера. Пожалуйста, женщина. Я вам руки целовать буду. Муж голодает. Он очень слабый уже.
Женщина. Не надо мне руки целовать! Деньги брать будешь?
Вера. Не буду. Не нужны мне деньги. Ну, хоть три буханки?
Женщина. Мать моя, женщина!
Вера. Я хлеба хочу!
Женщина. Нету! Нет у меня хлеба!
Вера. Хорошо! По буханке за запонку!
Женщина. Два хлеба за запонки?
Вера. Да, или я к другим обращусь.
Женщина. Стоять! Так. Так. Подожди! Так!

Что делаем? Что делаем? Что мы сейчас сделаем... Люди добрые! Что же это делается! Спокойно, спокойно, спокойно. Это я сама с собой. С собой. Сейчас что-нибудь придумаем. Тебе хлеб нужен?
Вера. Да, очень!
Женщина. Я сейчас принесу.
Вера. Спасибо, спасибо вам!
Женщина. Через десять-пятнадцать минут.
Вера. Спасибо, спасительница моя.
Женщина. Да тише ты! Только никуда не уходи и запонки никому не показывай. Хорошо?
Вера. Только быстрее.
Женщина. Хорошо!!! Спрячь! Спокойно, спокойно. Спрячь запонки! О-о-о-о-о.
Вера. Я готова.
Женщина. Та-а-ак. Та-а-ак. Если кто спросит, чего здесь делаете...
Вера. Ничего.
Женщина. Я те дам ничего! Скажи: сестру жду, в кино собрались.
Вера. Да. Поняла.
Женщина. Если спросят, почему здесь ждете...
Вера. Потому что...
Женщина. Потому что здесь людей мало, места много.
Вера. Удобно встречаться.
Женщина. Да. Все ясно?
Вера. Ясно. Хлеб несите.
Женщина. Белый? Черный?
Вера. Все равно.
Женщина. Значит, белый.
Вера. Лучше черный.
Женщина. Хорошо. Будет один белый, один черный.
Вера. Можно ситный.
Женщина. Ой, я в хлебе не очень. Я его не ем, я на диете.
Вера. Тогда ржаной. Да любой! Любой! Лишь бы хлеб был. Вкусный, мягкий, свежий хлеб. Был. Хлеб...

Сцена 6

Женская гримуборная. По трансляции периодически раздается фонограмма спектакля про войну. А к т р и с ы-н артизанки заняты важным делом.

Катя. А мы не взлетим?
Вера. Не дрейфь. Бутылку крепче держи. Ты переселилась уже в комнату родителей?
Катя. Да! К нам родственники с Польши приехали...
Вера. Это не то.
Катя. Считаю, что это беженцы, польские евреи укрываются.
Вера. Все это поддавки.
Катя. Но телефонный провод отрубил.
Незаметно. Хряк ножиком по проводам...
Вера. Бутылку держи!!!
Катя. Вер, Вер, это не опасно?
Вера. Пока не опасно. И чему тут быть

опасно? Обычный бензин и машинное масло.

Катя. А в рецепте ты уверена?

Вера. Как в Интернете прочла, так и делаю.

Катя. Ой, не нравится мне этот коктейль Молотова. Не нравится...

В фонограмме звучат взрывы.

Вера. О, наши в атаку пошли. Сегодня наш режиссер в эйфории.

Катя. Наш Иваныч забыл снять штаны на ночь.

Вера. Главное, чтобы не забыл, что через четыре недели премьера, а мы уже три часа начали спектакля репетируем. Армия в атаку уже десятый раз идет, а мы, партизанки, как дуры, в примерках сидим.

Катя. Зато взрывчатку успели сделать.

Вера. Да. Все, закрываем. Закручиваем.

Катя. И что?

Вера. Все прекрасно. Зажигалкой "чих" и — бабах!

В фонограмме звучат крики "Ура!".

Катя. Кого?

Вера. Найдем кого. Скоро у нас будет важное партийное задание.

Катя. А мы разве сможем?

Вера. Сможем.

Катя. Ужа-а-асно...

Вера. Это ты — ужасная партизанка, Катя. Иди сегодня к нашему гениальному Иванычу, сядь элегантно на диванчик для распределения ролей и попроси у него новую роль.

Катя. Какую?

Вера. Эсэсовку.

В фонограмме звучит немецкий марш.

Катя. Ты гонишь.

Вера. Нет! Из тебя классная эсэсовка получится. Загорелая такая вся. С балтийского пляжа в штаб приехала.

Катя. Перестань.

Вера. Данцигский маникюр, потсдамский педикюр...

Катя. Не хочу эсэсовку!

Вера. Да посмотри на себя! Иваныч — старенький, из зала не видит твои наращенные ногти.

Катя. Я перед премьерой лак сниму.

Вера. А до премьеры? Где ты видела партизанку с сиреневым лаком? Откуда этот сиреневый цвет?

Катя. Сейчас так модненько.

Вера. Эсэсовка!

Катя. Может, бордовый попробовать?

Вера. Куда тут бордовый? Я понимаю еще ярко-красный...

Катя. Есть?

Вера. Да. Нет! Что ты? Я в Красный Крест все отдала. Все. Эсэсовка!

Катя. Сама такое слово.

Вера. Посмотри на мои ногти. Во! Нормальные подпольные ногти. Ну, как? А?! Не то, что твои!

Катя. Так что мне? Четыре недели без маникюра ходить?

Вера. Да!

Катя. Как ты жестока.

Вера. Нет, пожалуйста, можешь попросить тогда роль какой-нибудь коллаборациониста.

Катя. Вот еще!

Вера. За баночку сиреневого лака будешь обслуживать немецких офицеров...

Катя. Не-е-ет...

Вера. ...родину продавать...

Катя. Нет, нет и еще раз нет!

Вера. Или партизанку-предательницу. Классическую такую. Воевала, воевала, а потом струсила...

Катя. Нет! Я люблю роли на преодоление! Я должна это сыграть. Должна. Я пойду до конца. На любые жертвы ради искусства. Звучат отдельные выстрелы.

Вера. Молодец, клянись! Повторяй за мной: "Я, Катя..."

Катя. Я, Катя...

Вера. "Вступая в ряды актрис, играющих партизанок..."

Катя. Вступая в ряды актрис, играющих партизанок...

Вера. "Торжественно клянусь, что я до премьеры..."

Катя. Торжественно клянусь, что я до премьеры...

Вера. "Не буду посещать солярий..."

Катя. Не буду посещать солярий...

Вера. "Фитнес-клуб..."

Катя. Фитнес-клуб...

Вера. "Кафе, рестораны, ночные клубы..."

Катя. Ой, как эта война некстати, кафе, рестораны, ночные клубы...

Вера. "Парикмахерскую..."

Катя. Парикмахерскую?

Вера. Да! Парикмахерскую!

Катя. И парикмахерскую...

Вера. "Салон красоты".

Катя. О-о-о-о-о-о, салон красоты!

Вера. "Если я нарушу обещание, пусть мои товарищи презирают меня..."

Катя. Если я нарушу обещание, пусть мои товарищи презирают меня...

Вера. "И никогда не будут со мной об-

щаться, потому что я буду..."

Катя. И никогда не будут со мной общаться, потому что я буду...

Вера. "Самой последней свиньей".

Катя. Самой последней... А голову мыть

можно?

Вера. Хозяйственным мылом,

Катя. Фашисты! Сволочи! Ненавижу!!!

Рыдания Кати заглушает фонограмма налета немецкой авиации.

Сцена 7

Мартовский вечер. Кухонный стол.

Леша. Скоро ужин?

Вера. Сейчас.

Леша. Ё! Ё! Ё! Исходящие отключили. Когда я успел столько наговорить? Гады. Пятнадцать звонков сделал, и уже отключили. Что за ерунда такая? Только утром бросил деньги, операторы все сожрали... Когда ужинать будем?

Вера. Сейчас.

Леша. Нет, неужели я столько говорю? Козлы. Как завтра успеть заплатить? Так не вовремя все это. Придется раньше вставать. Из-за каких-то сотовых операторов просыпаться на полчаса раньше, чтобы успеть все сделать! Крыша едет. Где эта функция "Будильник"? Так. Какое число завтра? Первое апреля. Хорошо День дурака завтра пройдет: одним дуракам заплатить, двум дуракам позвонить, с четырьмя встретиться и трех дураков директор сказал уволить. Он-то сказал мне, а решать должен я. Умник. Ё! Ё! Ё! Готово у тебя?

Вера. Сейчас, сейчас.

Леша. Что за жизнь? Не жизнь, а сокращение штата. А зубы на меня точить будут, а не на директора. А еще всем зарплату снизят на десять процентов. Представляю, что тогда начнется. В отпуск бы от этого кризиса уехать. Ага. Уедешь тут. Как уедешь, так уже не вернешься. Или уволят, или что-нибудь сократят тебе. Может, хоть на выходные куда рванем? Ах да. У тебя же премьера скоро. Будем работать. Работать. Работать. Получать меньше, сокращаться и так до пенсии. Когда ужин?

Вера. Сейчас, сейчас.

Леша. А что сейчас тут нового в мире? Сомалийские пираты захватили нефтяной танкер. Прекрасно! Молодцы ребята. Правильно. У нас бензин дорожает, а они целый танкер увели. Средь бела дня, средь океана. Мне бы пару баррелей подарили. Ё! Ё! Ё! И действительно, почему люди не летают, как птицы? Сейчас бы вечером слетал бы в Ирак или Венесуэлу со своей канистрой за дешевым бензином. Хотя зачем мне тогда бензин нужен? На атолл бы какой коралловый залететь, маракую сорвать и съесть, в песочек зарыться золотой и теплый

такой. Или вот лучше в Милан за новым костюмом, галстуками, рубашечками. И тебе бы тряпочек новых привез. Нижнее белье, платье от Кавалли, сумку "Тодс"... Только на обратном пути руками махать неудобно будет. С новыми фирменными шмоточками твоими... Так что там с ужином?

Вера. Сейчас, сейчас.

Леша. Или в Париж за вином слетать хорошо бы было... Летишь, вино потягиваешь, пармезаном закусываешь, сигару покуриваешь. Только евро нужны. Что я деньги все считаю? Вот. В Эфиопии снова засуха. Голодают. Ё! Скоро ты?

Вера. Сейчас, сейчас.

Леша. Вообще очень хорошо, что люди не летают, как птицы, а то бы эта чернота местная африканская, как саранча, налетела бы и к нам, и в Европу. Такая жопа. Ой, извини. Ты не любишь, когда я ругаюсь. Короче, кругом ягодицы. Большие такие спелые ягодицы. Выйдешь из подъезда, и вот она розовая сплошная ягодица светит тебе, как солнце. А может, солнце и есть жо... жо... желтая ягодица? Горячая такая, жаркая вся. И мы вокруг нее вертимся, вертимся. И у ягодицы семечки крупные, прожаренные... Где ужин уже?

Вера. Вот.

Леша. Не понял.

Вера. Что не понял?

Леша. Кес ке сэ, мадам? Шо цэ? Что это?

Вера. Хлеб. Тебе взрослая рабочая порция. Сто двадцать граммов. Мне хватит семьдесят пять. Приятного аппетита.

Долгая пауза. Вера ест хлеб. Леша смотрит. Потом тоже начинает жевать хлеб. Медленно съедают все до последней крошки.

Леша. Спасибо. Было очень вкусно.

Вера. Ты злишься на меня?

Леша. Нет. "Злиться" от слова "зло". А я люблю тебя. Поэтому страдаю. И жду, жду, жду, когда уже состоится твоя премьера.

Сцена 8

Стеллажи супермаркета, заваленные продуктами питания. Две актрисы-артизанки, заваленные новыми идеями.

Вера. Не годится. Все не то. Ничего не подходит.

Катя. Какая разница? Главное, чтобы принести хоть что-нибудь.

Вера. Нам надо что-нибудь крупное и тяжелое, похожее на мину.

Катя. Я думала, все дело в принципе, а не в объеме. Мы в школе маленькие шоколадки крали, а один раз со страху перепутали — у кассы презервативы "спионерили".

Вера. Бабушка рассказывала, что она пронесла в город круглую мину. Причем привязывала ее к спине моего папы. Он грудным тогда был. Пеленала его и так пронесла. Правда, папа болел часто и до трех лет ходить не мог.

Катя. И не жалко ей было папу?

Вера. Вот не знаю. Сейчас бы все, конечно, у нее подробно расспросила. Эта банка тоже нам не подходит.

Катя. Надо было внимательно живую бабушку в детстве слушать.

Вера. Кто ж знал, кто ж знал.

Катя. И моих уже нет. Но они в Западной Беларуси жили, и немцы вроде им даже помогали. Я смутно рассказы помню. На Новый год поросенка им подарили. Может, интервью у ветеранов возьмем?

Вера. Не плохо было бы. Вот ничего коробочка, но легкая. Надо подумать над твоим предложением.

Катя. Ветеранов еще много осталось. Это ж подумать только, откуда у них столько здоровья после войны? Мы точно до таких лет не доживем. Хоть бы до пенсии дотянуть. А то эти "кампари", "мартини" — такая нагрузка на организм. А давай по бутылочке "мартини" пронесем? Типа наш коктейль Молотова. А?

Вера. Катя! Алкоголь!

Катя. Фу! Фу! Какая я плохая! Что я говорю? Что я говорю?! Алкоголичка! Фу. Ой, шампанское "брют"! Может, его? За Родину? За Сталина? Ой, я опять! Фу! Фу! Катя! Какая ты плохая! Плохая, плохая, плохая! Мартини с водочкой, немного льда и оливку... Пьянь! Пьянь! Плохая девочка! Стыдно! Стыдно!

Вера. Ясно. В другой отдел пойдем.

Катя. Кукурузные палочки! Ой! Сто лет не ела.

Вера. Кстати, кстати. Можем их прихватить в нагрузку. Типа пачка листовок из подпольной типографии.

Катя. Ой, нет. У меня был парень, у него

носки почему-то кукурузными палочками пахли. Так странно. Как разуется, так сразу мне казалось, что я в фойе цирка, где попкорн продают, сладкую вату, и там запах животных разных...

Вера. Цирк — это хорошо...

Катя. А меня подташнивало.

Вера. А зоопарк, кстати, еще лучше. Есть идея.

Катя. У тебя столько идей всегда. А я тогда лежала на спине, как ежик в тумане, он на мне, а я думала: "Почему именно кукурузными палочками?" Откуда это? Зачем это? Куда это? Кому это? Где это?

Вера. Да, зоопарк. Именно зоопарк.

Катя. А меня вчера так обидели, так обидели.

Вера. В зоопарке?

Катя. Почти. Пригласил мужчина в гости. Пили коньяк, общались, прижимались. Я думаю, сейчас начнется. А он решил мне фотографии из Таиланда показать. Думаю, ладно, посмотрю для приличия и секс. А он на первой же фотографии какую-то тварь страшную мне подсовывает и спрашивает: "Что это за птичка?" Откуда я должна знать, что это за птичка? Я что? Должна была в театральном зоологии факультативно изучать? А он говорит, что это тукан.

Вера. Тукан?

Катя. Тукан! И добавляет: "Меня привлекают только умные и разносторонние. До свидания". Такой уже тукан! Я теперь эту носатую птицу с клювом навсегда запомню. И этого умника тукана. А если бы я всем своим любовникам вопросы задавала, в каком году МХАТ открылся, кто такая Алиса Коонен, как назывался последний спектакль Мейерхольда? Я до сих пор девственницей была бы. Из-за таких туканов. Что это? Куда это? Кому это? К чему это? Как это? С кем это?

Вера. Я, Катя, тебе советую до премьеры о сексе не думать.

Катя. Здрассте! В этом я не клялась.

Вера. А придется.

Катя. Нет уж. Стране нужны солдаты и работницы тыла. Так что в демографическом взрыве ты мне не отказывай.

Вера. Ты как мой Леша.

Катя. И очень хорошо, подруга.

Вера. Вот! Круглые банки с сельдью. То,

что надо.

Катя. Какая гадость...

Вера. Запихнем под юбку по баночке.

Катя. Холодно.

Вера. Моему папе тоже было холодно.

Катя. Но у нас там же...

Вера. О родине думай.

Как будто изучая ценники, актрисы прячут банки под юбки. Сзади появляется продавщица, внешне очень похожая на женщину, скупавшую ювелирные изделия.

Женщина. Ля все видела.

Катя. В чем дело?

Женщина. Воровки.

Катя. Мы? Женщина, побойтесь Бога.

Женщина. Вы сейчас меня с милицией бояться будете.

Катя. Слушай меня, гестаповка с полицией, я таких, как ты, к стенке ставила.

Женщина. Что-о-о-о?

Катя. Что слышала! Из-за таких, как ты, в стране кризис. Никакой гражданской позиции, никакой ответственности. Только "дайте, дайте, дайте". А что вы сделали для этого "дайте"? Что? Что вы сделали?

Женщина. А что я?

Катя. Ничего! Ни-че-го! Уж очень много мы гршили!

Женщина. Какие у нас грехи?

Катя. О, наши грехи! Мы всегда сорили деньгами без удержу, как сумасшедшие... Наши мужья умирали от шампанского... они страшно пили... А мы? Мы закрывали глаза, бежали, себя не помня, а они за нами... безжалостно, грубо... Так глупо, так стыдно...

Женщина. Что с вами?

Катя. Господи, Господи, будь милостив *(сквозь слезы)*, прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше... Дорогой, многоуважаемый стеллаж! Приветствую существование твоих... товаров, которые... были направлены к светлым идеалам добра и справедливости. *(Утирает слезы.)* Твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал, поддерживая в поколениях нашего государства бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания... Сестра моя, страдающая сестра моя! Выйди на... чей стон... Словно где-то музыка... *(Рыдая, садится у стеллажа.)*

Женщина. Простите меня.

Вера. "Это наш знаменитый еврейский оркестр. Помнишь..."

Женщина. Простите?

Вера. "...четыре скрипки, флейта и контра-

бас"... Оставьте нас, пожалуйста.

Женщина. Да, да. Вот только... лицо мне ваше знакомо.

Вера. Вы меня спасли недавно.

Женщина. Так это были вы. Может, еще хлеба?

Вера. Спасибо, не надо.

Женщина. Чего-нибудь еще?

Вера. Ничего не нужно. Вот вам за труды. *(Машинально снимает сережки и отдает женщине.)* Уходите.

Женщина. Иду. Я здесь работаю. Меня вы можете найти.

Вера. Ах, оставьте!

Женщина. Зарплаты упали, так мне приходится... Сами понимаете.

Вера. Быстрее уходите. Сейчас сюда придут.

Женщина. Я понимаю. Всего хорошего. До новых встреч. *(Уходит.)*

У Кати начинается истерика от смеха. Вера присаживается к ней.

Катя. Как я сыграла?

Вера. Волшебно сыграла. Только Антон Павлович за такую компиляцию руки тебе отбил бы.

Катя. А что мне оставалось делать? Что сказать — не знаю, вот и начала монологи из Чехова шпарить! Если бы автор видел, переписал бы пьесу.

Вера. Конечно.

Катя. Конечно! Такой талант, такие эмоции, такой плач.

Вера, а вслед за ней и Катя начинают вынимать из-под юбок банки с сельдью.

Вера. Когда мы с Лешей в первый раз занимались любовью, у него вдруг полились слезы. Я радостно подумала: это он от счастья, что стал мужчиной. Оказалось, у него аллергия на цветение, и он забыл принять таблетку.

Катя. Бедный.

Вера. А я до сих пор помню, как он плакал. Как это было красиво: оргазм и слезы!

Катя. А ты знаешь, Вера, страшно по-настоящему мне не было. Мы сыграли, а хотелось чего-то другого.

Вера. Да, нам нужен настоящий страх. Обыска, голода, холода, смерти. Как во время оккупации им было? Это же ненормально! Ненормально.

Катя. Если бы это были мужики в форме, то, может, мы бы испугались. Да?

Вера. Мы найдем таких. У меня есть один экземпляр. Наша новая цель — успешно

пройти пытки. Мы должны выдержать, и мы мучительно больно нам ни было, ничего не должны рассказать врагу, как бы Катя. Мамочки-и-и-и.

Сцена 9

Холодный вечер, влажная постель.

Леша. Ё! Ё! Ё! Что происходит? Ты вся дрожишь. Почему так мокро?

Вера. Так надо. Все нормально.

Леша. Что ты снова придумала?

Вера. Ничего. Ерунда.

Леша. У тебя не бывает ерунды. Говори.

Вера. Не скажу.

Леша. Боец Вера, я приказываю.

Вера. Я облила себя холодной водой.

Леша. Так...

Вера. И вышла на балкон.

Леша. Зачем?

Вера. Чтобы узнать, что чувствовала Зоя Космодемьянская, когда замерзала...

Леша. О, боже.

Вера. Я думала, весной терпимо... Я долго не смогла, не смогла...

Леша. И не надо.

Вера. Я слабая.

Леша. Нет, ты сильная, ты очень сильная.

Только ты сходишь с ума от своих амбиций. Сейчас я тебя разотру.

Вера. Это так ужасно.

Леша. Ужасно, ужасно, ты холодная как лягушка. Попробовала и хватит.

Вера. Я не люблю холод.

Леша. Это хорошо. Холод любить не надо, меня любить надо, я тебя хочу.

Вера. Ты только хочешь — или еду, или меня. Леша. Я еще хочу красиво жить.

Вера. Красиво жить. А дальше что?

Леша. Дальше? Модно одеваться.

Вера. А дальше?

Леша. Престижно отдыхать.

Вера. А дальше?

Леша. А дальше... Ё! Ё! А дальше, хочешь, мы встретим эту ночь в Берлине? У Бранденбургских ворот будем есть гамбургеры и запивать их светлым пивом. А потом в Гоа танцевать до упада на транс-вечеринке. А рассвет встретим в Австралии, укрывшись рыжим кенгуру, а под головой у нас будут мягкие коалы — подушки. А завтракать будем среди африканских пигмеев. Мы будем шокировать их своими разрисованными нагими телами, потому что нам будет жарко в охалках друг друга...

Вера. И не думай.

Леша. Ё! Ё! Ё! Неужели кризис и до моей постели добрался?

Вера. Каждому свое: у тебя мировой экономический кризис, у меня Вторая мировая война.

Леша. У тебя не война, у тебя комплексы партизанки. Причем странные и дикие. Пойми, даже твоя бабушка-подпольщица родила в сорок третьем году. Значит, она по ночам думала не только о победе...

Вера. Что ты говоришь?

Леша. Горькую правду о том, что люди и тогда хотели жить сладко, мечтали ходить в кино и есть шоколадки, целоваться в темноте зала и, представляешь, радоваться апрельскому солнцу. Потому что солнце — это солнце. Оно должно радовать. Или это ты не представляешь?

Вера. Пока нет. Я еще не напугалась так сильно, чтобы радоваться простому солнцу.

Леша. Ё! Ё! Ё! Ни солнца, ни еды, ни секса.

Нежданно-негаданно раздается звонок в дверь.

Вера. Это за мной пришли.

Леша. Та-а-а-ак!

Вера (*открывает дверь и впускает в дом Катю*). Слежки не было?

Катя. Да вроде нет.

Вера. Леша, это Катя. Катя, это Леша.

Катя. Вера, мы же все знакомы.

Вера. Теперь другое время. Кругом враги. Катя будет жить у нас. Ее семью арестовали, она скрывается.

Леша. Гутен таг, Катьюшша.

Вера. Леша, перестань.

Леша. Ё! Яволь.

Вера. Пожалуйста, не юродствуй.

Леша. Зер гут, зер гут. Чем будем гостью развлекать? Может, комендантский час попробуем? Или обыск ей устроим?

Катя. Мне сейчас не до развлечений.

Леша. Почему же? А что если мы создадим выездную бригаду? "Концерты — фронту" вы бы показывали.

Вера. Хорошая мысль.

Леша. Сразу после ужина! Да, девчонки?

Катя. Конечно.

Леша. Какой предложить вам аперитив, фройляйн?

Вера. У нас все есть.

Леша. Сталинские сто граммов водки?
 Вера. Вот именно.
 Леша. А закусывать чем будем?
 Катя. Я утром собирала на лугу крапивку...
 Леша. Крапивку? В апреле?
 Катя. Да.
 Вера. Добавим немного картошечки и сварим легкий весенний суп.
 Леша. Мило, мило. Только я траву есть не буду. Может, я позвоню в службу доставки? Как вы насчет пиццы?
 Вера. Пицца?
 Катя *(Вере)*. Итальянка.
 Вера *(Кате)*. Фашистка?
 Катя *(Вере)*. Ага! Подружка Муссолини.
 Вера. Казнить ее!
 Катя. Казнить!
 Леша. О-о-о-о-о, началось. А салат?
 Катя *(Вере)*. Салат?
 Вера. Бездарный!
 Леша. Карпаччо?
 Вера. Антисекс!
 Леша. Ням-ням: пулярка?
 Вера. Пулярка — сучка! Ненавижу.
 Леша. Индюшка?
 Вера. Стерва, дрянь...
 Катя. Паскуда!
 Леша. Телятина?
 Вера. Дешевая подделка.
 Леша. А если...
 Вера. Пармская ветчина твоя — дерьмо собачье!
 Леша. Ё!
 Катя. Креветки — аморально!
 Вера. Кальмары — оппозиционеры!
 Катя. Маслины и оливки — все отстой!
 Вера. Марципаны — жалкая попса.
 Катя. А кофе под названием глясе — трэш, мусор!

Леша. Е! Е! Е!
Вера. Все муссы — хамы!
Катя. А лосось — уродство!
Вера. Икру всю к черту!
Катя. Трюфели — свиньям на их бизнес-ланч!
Вера. Все баклажаны — негодяи!
Леша. Расстрелять!
Катя. Угорь давно уплыл на юг!
Вера. Причем уже копченый!
Катя. А с ним и стерлядь-маньячка!
Вера. И идиотка семга!
Катя. А хурма отвратна!
Леша. Давайте! Пли!
Вера. Всем суши сделать харакири!
Леша. Банзай.
Катя. А крабы — камикадзе!
Вера. А пармезаны, рокфоры, дор-блю...
Катя. И иже вина с ними...
Вера. В концлагерь!
Катя. В печку!
Леша. Все понятно! Хватит! И коньяк — пошляк! Ё! Ё! Ё! Все! Ухожу на фронт! В командировку!
Вера. Я буду ждать тебя, родной, любимый.
Леша. "Жди меня, и я вернусь, только очень жди..." *(Уходит.)*
Вера. Я дождусь тебя, Лешенька!!! *(Бежит за ним и падает.)*
Катя. Ой, горе! Ой, бабы, горе!!!
Вера. Возвращайся с победой, когда меня поймешь, Леша-а-а-а-а!!!
Катя. Горе!!!
Вера. Леша-а-а-а!
Катя. Горе-то какое!!!
Вера. Лешенька! Родной!!!
Катя. О-о-о-о-о-о-ой, горе!!!

Второй акт

Однажды бабочке-лимоннице приснилось, что она партизанка: она летела на первое боевое задание, была взволнована и не знала, что она — бабочка. А проснувшись внезапно, даже удивилась, что она — лимонница. И не знала уже: ей ли снилось, что она — партизанка, или партизанке снится, что она — бабочка.

Сцена 10

Приглушенный свет в квартире Инструктора. Хозяин в "эсэсовской" форме, явно из театрального подбора.

Инструктор. Ну, как я?

Катя. Мама!

Вера. Очень даже ничего. Для одного раза потянет.

Инструктор. Только одного, блин?

Вера. Мы любительницы. Так, из любопытства решили разок попробовать...

Катя. И баста.

Инструктор. Ну да, ну да. Насильно мил не будешь. Жаль, блин.

Катя. И это...

Вера. Давайте договоримся сразу. Мы девушки нежные...

Катя. Начинающие.

Инструктор. Ага! В первый раз в первый класс.

Вера. Вы как-нибудь полегче.

Катя. Помягче.

Вера. Хотя потом можно и посильнее. Если все терпимо, значит, все хорошо. Будем молчать.

Катя. Но если очень больно, то прекращайте.

Инструктор. А какой пароль?

Вера. Не поняла.

Инструктор. Слово, после произнесения которого я должен остановиться.

Вера. Ну... допустим...

Катя. Иваныч! '

Вера. Да. Иваныч.

Инструктор. Иваныч, блин? Такая пошлость. Да мне, впрочем, все равно. Иваныч так Иваныч.

Вера. И так...

Инструктор. Итак!

Катя. Мама.

Инструктор. Опишите ваши пожелания.

Вера. Мы две селянки, которые знают, где скрываются еврейские дети.

Инструктор. Так, блин.

Вера. А вы жестокий гестаповец, который у нас под пытками должен выбить показания.

Инструктор. Ну что ж, интересненько. Вера. И давайте без ваших лирических отступлений.

Инструктор. Не учи меня жить и работать, блин.

Катя. Ну что смотришь на меня, гад? Бей меня, фашистская морда!

Инструктор. Ах ты, сволочь.

Инструктор начинает избивать героических актрис.

Катя. "Расцвели яблони и груши..."

Инструктор. А ну, признавайся, селянка!

Вера. "Поплыли туманы над рекой..."

Инструктор. Говори, дрянь, где прячутся еврейские дети? Кто их скрывает у себя? Говори!

Катя. Не скажу, фашист!

Инструктор. Говори!

Вера. Вам всем капут! Победа за нами!

Катя. Всех не перебьете!

Инструктор. Партизанские шлюхи! Я вас убью!

Катя. "Выходила на берег Катюша..."

Вера. "На высокий берег на крутой".

Актрисы мужественно терпят боль. Инструктору уже не хватает дыхания и сил.

Инструктор. Говорите! Говорите! Где прячутся эти жиды? Вы же знаете! Вы должны знать! Говорите, кто их скрывает? Кто? Наверное, Иваныч? Да? Иваныч? Я спрашиваю: Иваныч?

Катя. Нет!

Вера. Нет! Нет!

Инструктор. Все, хватит, хватит. Я не могу так работать...

Вера. В чем дело?

Инструктор. Девочки, я так не могу. Что я, не русский что ли? Я же... я же... в детстве с ровесниками в войнушку играл... я фашистов бил... а сейчас... как я могу... блин... как могу я так своих... *(Плачет.)*

Вера. Лузер.

Катя. Неудачник.

Инструктор. Я не могу... не могу... У меня дедушка воевал...

Вера. Дилетант.

Катя. Бездарность.

Инструктор. И по папиной линии у меня в родне евреи, блин...

Вера. Мы не будем тогда платить деньги.

Катя. Правильно!

Инструктор. И не надо... я не возьму ваши грязные деньги... Фашистки!

Вера. Чего?

Катя. Что он сказал?

Инструктор. Уходите!

Вера. Мы фашистки?

Вера и Катя избивают Инструктора.

Инструктор. Что вы меня мучаете, садистки? Уходите! Не надо! Не надо! Еврейских детей скрывает Иваныч! Иваны-ы-ы-ыч!

Актрисы останавливаются.

Вера. Вот гад.

Катя. Предатель.

Инструктор. Простите меня, простите.

Катя. Пойдем.

Вера. Подожди секунду. Жалко его. Хороший ведь.

Актрисы подсаживаются к Инструктору, жалеют его, ласкают, глядят по голове.

Вера. Не плачь, не плачь, мой... мой Маленький Принц. Хочешь? Я нарисую тебе собачку? Дивного щеночка. Это будет твой пекинесик.

Инструктор. Блин, не хочу я пекинеса.

Вера. Лабрадорчика?

Инструктор. И Лабрадора не хочу.

Вера. А какую собаку ты хочешь?
Инструктор. Злую, большую, красивую.
Вера. Я нарисую тебе такую собаку, как и ты сам. Главное, чтобы тебя не выбросили на

улицу, как некоторые любимых из своей жизни. Лучше усыпить тебя сразу. Не плачь больше. Не плачь. Мы победим, блин. Мы обязательно победим.

Сцена 11

Квартира Женщины — продащицы и скупщицы ювелирных изделий. Интимное освещение. Хозяйка в странном, ярком вечернем наряде, явно из секонд-хенда.

Леша. Ой. А разве проститутки бывают такими?

Женщина. А что у меня не так?

Леша. Что-то, что-то... что-то...

Женщина. У меня все есть, все на месте.

Леша. Антураж какой-то неклассический.

Женщина. А ты эстет?

Леша. Да уже и не знаю.

Женщина. Ты на час или на всю ночь?

Леша. Если понравится, давай на всю.

Женщина. Тебя раздеть, малыш?

Леша. Угу... Нет, не так.

Женщина. А как ты хочешь? Грубо?

Леша. Попробуй грубо... Опять все не то.

Женщина. Может, языком?

Леша. Да. Скажи что-нибудь... военное.

Женщина. Ковбой, где твой огромный кольт?

Леша. Фу, как вульгарно. Что за текст? Что это за текст?

Женщина. Из кино.

Леша. Какое плохое кино. Надо что-нибудь суровое, но волнительное. Как на войне. Понимаешь?

Женщина. Да? Ой. Даже не знаю... Сейчас попробую. Раз, раз, раз. Внимание! В ходе непрерывных и продолжительных боев советские войска освободили города Тамбов...

Леша. Ё! Продолжай.

Женщина. Липецк, Воронеж...

Леша. Ё! Ё! Так уже лучше, лучше.

Женщина. А также Курск...

Леша. Ё! Раздевай меня.

Женщина. Белгород, Орел...

Леша. Теперь про партизан что-нибудь...

Женщина. При отступлении фашистские войска понесли живые потери из-за подрывной деятельности партизанских отрядов. Многие пали...

Леша. Да ты что! Больше позитива!

Женщина. Но их имена навсегда останутся в памяти...

Леша. Позитива больше!

Женщина. Никто не забыт, ничто не забыто...

Леша. Ой, нет. Не то. Я не знаю.

Женщина. Расслабься. Ты весь какой-то мыслительный, как на собрании у генерального директора.

Леша. Да, я понимаю. Есть некоторая замкнутость. И проблем много.

Женщина. Ой, да. Жизнь сейчас не сахар. Давай я подслащу твой вечер, лейтенант. Возьми меня!

Леша. Лучше ты меня возьми, как рейхстаг в сорок пятом. Давай! Иди на меня в атаку с криками "Ура". Попробуй.

Женщина. Ура.

Леша. Нет! Зычное "ура".

Женщина. Ура! Ура! Ура-а-а-а! Не получается.

Леша. Да, самодеятельность какая-то... Ладно, давай по-другому. Я как будто в дзоте лежу. Ты знаешь, что такое дзот?

Женщина. Дерево-земляная огневая точка.

Леша. Даже я не знал.

Женщина. У меня по НВП была пятерка. Леша. Очень хорошо. Так вот я сейчас лягу в дзот, а ты ползи ко мне с гранатой, чтобы взять в плен и изнасиловать. Я готов. Ползи.

Женщина. Неудобно. Ой. Ой.

Леша. Я вижу тебя, сейчас пристрелю.

Ничком. Ничком. Дурная.

Женщина. Да неудобно мне!

Леша. Не так. Ниже! Нагнись! Нагнись!

Женщина. Не нагиается мне...

Леша. Какая ты дурная все-таки... Ты меня не возбуждаешь.

Женщина. За такие издевательства и оскорбления с тебя еще десятка сверху.

Леша. Не интересно с тобой. И ты не профи.

Женщина. Я другое зато хорошо делаю. А на колючую проволоку со своей женой ходи, а не меня заставляй, извращенец.

Леша. Неумеха.

Женщина. Тебя судить надо за святотатство над историей с особой жестокостью. И еще меня заставлял за деньги кощунствовать.

Леша. Не заставлял за деньги.

Женщина. Заставлял.

Леша. У меня нет денег.

Женщина. Что?

Леша. Можно, я тебе продуктами заплачу?

Женщина. Чего?

Леша. Извини. Денег нет. Но есть НЗ. Неприкосновенный запас.

Женщина. Триндец.

Леша. Меня жена не кормит. Я очень есть хотел. Зашел в магазин и... вот. Все деньги растратил.

Женщина. Мужик, ты понимаешь сам, что говоришь? Мало того, что я терпела твои солдатские извращения фантазии, так еще...

Леша. Какая разница? Ты все равно доллары поменяешь на рубли, а на рубли продукты купишь в магазине.

Женщина. Да я сама в магазине работаю. Мне деньги нужны. Зарплата сейчас не очень.

Леша. Ё! Ё! Это да.

Женщина. Я и так приработки ищу, мама в больнице лежит, ей лекарства дорогие нужны.

Леша. Да, да. Сейчас не очень все катит.

Женщина. А пока она в больнице, я командировочным комнату сдаю и мужчин принимаю.

Леша. Много?

Женщина. Ты первый.

Леша. Ё! Ё! Ё!

Женщина. Что там у тебя?

Леша. Консервы есть. Фрукты, сыр. Водку можем выпить. Давно не пил. Хочешь, ужин вместе сделаем? Посидим. Просто. Поедим. Наконец.

Женщина. Что за люди пошли в последнее время? Весеннее обострение у всех, что ли?

Леша. Ладно. Открывай водку. Снимем стресс после такого... секса.

Леша. За знакомство.

Женщина. И за здоровье, чтобы обострение быстрее закончилось... Ой, хорошо. Легче стало.

Леша. Ё! Ё! Ё!

Женщина. А зачем тебе эти фронтальные завихрения? По-другому не возбуждаешься?

Леша. Жена довела. Артистка. А оно, оказывается, заразно.

Женщина. А мне какие артистические кадры попадают? Есть одна женщина в городе.

Раненая на всю голову. Сегодня утром просто так принесла мне дорогие мужские костюмы, галстуки, рубашки, туфли новые, ремни. И все от кутюр. Такие бренды! Загляденье!

Леша. И что?

Женщина. Говорит, отдай все это военным беженцам. Представляешь?

Леша. Ё-ё-ё-ё-ё-ё! Так их много таких в городе.

Женщина. Много. Каким таким военным беженцам?

Леша. Больная.

Женщина. Я говорю, раненая. Наливай еще за здоровье. Чтоб не заразиться.

Леша. Да, и пусть мама твоя поправляется.

Женщина. Спасибо.

Леша. А где все вещи?

Женщина. В бутик к знакомой занесла. Она меня так благодарила.

Леша. Еще бы.

Женщина. Ия хоть заработала прилично.

Леша. Лучше бы я эту раненую встретил. Какой у этих трендов был размер?

Женщина. Пятидесятый.

Леша. Мой. А обувь?

Женщина. Сорок третий.

Леша. Правильно. Вот так всегда.

Женщина. А до этого она мне сережки отдала. А в первый раз, прям как ты, продукты питания захотела за запонки! Ха-ха-ха!

Леша. Идиотка!

Женщина. Представляешь? Платиновые от Армани!

Леша. Ё! Ё! Ё!

Женщина. За две буханки хлеба!

Ха-ха-ха.

Леша. Ё! Ё! Ё!

Женщина. Бывают же такие дуры малахольные! Наливай еще!

Леша. Армани? Платиновые?

Женщина. Да, да! Армани! Платиновые! За простой хлеб!

Леша. За хлеб? Ё! Ё! Ё-ё-ё-ё-ё-ё!!! Ягодицы! Какие же кругом ягодицы! Одни ягодицы! Везде ягодицы! Я... Я... Я... Ё-ё-ё-ё-ё-ё-ё-ё.

Сцена 12

Поздний апрельский вечер. Актрисы-партизанки заняты изготовлением новой горючей смеси. Обе в темных платках.

Вера. Надеюсь, этот коктейль будет эффективнее.

Катя. А по мне все так эффективно! Я столько в себе открыла, пережила, вжилась,

что теряю реальность. Я так странно стала пахнуть. Наверное, войной. Настоящей войной. Хожу полугрязная, полусоветская, полупартизанская...

Вера. Хватит уже перечислений.

Катя. Я так рада, что она не взорвалась. Но ты бросила. Молодец. Я бы не смогла. Я застыла в глубоком шоке. Как в кино. Крупный план.

Вера. Следующая — ты.

Катя. Да, я знаю. Я обречена на подвиг.

Вера. Ой, я тебя умоляю. Это не так страшно.

Катя. Конечно, в нежилой дом не страшно. А вот в живого человека? Во врага? Как можно убить живого врага? Ты кого-нибудь убивала?

Вера. Конечно. Комаров. А еще в детстве на окне ловила мух и отрывала им крылышки...

Катя. А я лапки.

Вера. А лапки зачем?

Катя. Чтобы они летали и не приземлялись.

Вера. Жесть.

Катя. А еще я убила двух лягушек, чтобы на них раков ловить.

Вера. А я одну в стройотряде, чтобы дождь пошел.

Катя. Как это?

Вера. Есть примета: убьешь лягушку — пойдет дождь. А нам так работать не хотелось, хотелось спать, играть в карты, с парнями общаться. Я и убила.

Катя. Пошел дождь?

Вера. Почему-то пошел.

Катя. Действует.

Вера. Но лягушку до сих пор жалко.

Катя. И мне. Двух.

Вера. А я еще гусениц бросала в муравейник.

Катя. А я, наоборот, гусениц в баночке держала, листики свежие им приносила, чтобы они хорошо ели и быстрее становились бабочками.

Вера. Гадость.

Катя. Все мы в детстве были придурками.

Вера. Еще какими. Верили в то, чего не бывает.

Катя. В любовь?

Вера. Это ты в любовь, а я в коммунизм и в то, что дедушка Ленин не писает и не какает.

Катя. Вера!

Вера. Что Вера? Прости меня, дедушка Ленин, за мысли мои порочные. И ты, лягушка, меня прости.

Катя. И меня.

Вера. Вот, готов коктейль. Забирай, моя боевая подруга, обреченная на подвиг.

Катя (*кладет бутылку с коктейлем в сумку*).

Куда пойти, куда податься, кого найти и с кем взорваться?

В комнату врывается Леша.

Леша. Вера!!! Вера! Вера? Вера... Что с тобой, Вера?

Вера. Чего ты кричишь? Что случилось?

Леша. Почему ты в платке?

Вера. У нас тиф. Постриглись наголо.

Леша. Нет! Нет! Только не волосы. Нет!

Только не твои чудесные волосы!

Леша срывает с головы Веры платок. Все волосы на месте.

Леша. Ё! Как ты меня напугала. (*Плачет*).

Катя. И он плачет.

Леша. Я редко. Обычно меня вдохновляют на слезы или очень талантливые писатели, или проникновенные актеры.

Вера. Леша, это всего лишь аллергия. Ты не заметил, что заканчивается апрель. Все расцветает. А ты не принял таблетку.

Леша. Точно. Скоро май.

Вера. Ты голоден?

Леша. Спасибо. Меня... союзники угостили.

Вера. Как все прекрасно.

Леша. Вера, Вера, Вера... Слушай, Вера, несмотря на твой тиф, скажи мне, где мои вещи? Где все мои вещи? Одежда, обувь, запонки?

Вера. Там, где и все мои.

Леша. Где?

Вера. В эвакуации, если тебе так легче.

Леша. А точнее? Ты их выбросила. Бесплатно раздала.

Вера. Если это точнее, то — да.

Леша. Вера! Ё! Ё! Ё! Ты раненая. Ты понимаешь, что ты раненая? У тебя пуля в голове. Да что пуля! У тебя там застряла целая автоматная очередь.

Катя. Это грубо.

Леша. Там целый склад снарядов.

Вера. Я знаю. Это война.

Леша. Какая война? Какая, в ягодицу, война?

Вера. Не подходи ко мне. Здесь заминировано.

Леша. Вера! Хватит! Твоя война не катит! Она была давно! Давно. Давно закончилась!

Вера. Не подходи.

Леша. С тех пор все изменилось. Никто не будет с нами воевать. Никому мы не нужны.

Вера. Не подходи ко мне — взорвешься.

Леша. Раз-два в год вспомним — и хватит! Нет войны!

Катя. Есть.

Леша. Да по фиг мне.
 Вера. В моей памяти есть.
 Леша. Я тогда не жил. Я сейчас хочу жить. Нормально.
 Вера. Не подходи, здесь мины.
 Леша. Мы знаем о какой-то там войне только по фильмам и книжкам. Для меня она абстрактна. А эти потери понятны. Поэтому они страшнее. А вы сволочи. Вы две сволочи. Что вы наделали? Я нищий. Я из-за вас нищий. И ты теперь жалкая и нищая партизанка! Ты меня разорила, все сожгла...
 Вера. Не все. У тебя есть страна, здоровье, я. Значит, у тебя есть будущее.
 Леша. Какое у нас может быть будущее, если не будет одежды, денег, работы?
 Вера. Потерять все — это так страшно?
 Леша. Страшно.
 Вера. Неужели это страшнее войны? Не подходи. Что может быть всего этого страшнее? Ответь. Для меня это важно. Очень важно. Не подходи! Здесь мины! Что для тебя сегодня может быть очень страшным? Что? Что ты не сможешь пережить?
 Леша. Твою измену.
 Вера. Неожиданно. Я это запомню. Не подходи. Здесь мины.
 Леша. Ё! Ё! Ё! Нет мин! Мин нет! Мин нет!
 Вера. Есть. Есть. Есть.
 Леша. Еще раз скажешь "есть", и я... я пукну.
 Вот.
 Катя. Ве-э-э-э-э! А еще интеллигентный человек.
 Леша. На войне все равны. А интеллигенция, здесь присутствующая, забыла про свою интеллигентность. И вообще, Катя, пошла вон отсель до пана полиция.
 Катя. И пойду. Ты мне... противен. *(Вер.)*
 Муж твой садист. Еще тот садист. Ой, садюга! Какая садюга! Разорался тут из-за своего Гуччи. Фашист. Домашний гауляйтер, штурмбан-бан-фюрер, блин... Нет деспотизму!
 Леша. Давай, партизанка, топай в свою землянку.
 Катя. Взорвать бы тебя!
 Леша. Сама не подорвись!
 Катя. Ауфидерзейн, майн либе! Передай Гитлеру от меня глубокий оральный привет! *(Уходит.)*
 Леша. Ё! Ё! Ё! Ё! Ё!
 Вера. Хочешь? Я нарисую тебе рубашку от Диора. Какого цвета?
 Леша. Ё! Ё! Ё!
 Вера. Вот тебе белая, две сиреневые, твои любимые, еще голубая. А вот последний костюм от Дольче и Габбана. У тебя такого не было. Лучше два. Ты любишь в ресторан-темно синий. Смотри, вот галстуки. Вот в полосочку, вот с узорами. А вот клубные под твою сиреневую рубашку. Сейчас плащ и зонт-трость, если пасмурно будет. Туфли. Итальянские, конечно, бренды. Черные. Еще одни. Теперь коричневые. Темно-серые. Пусть будут лаковые. Так празднично. А вот длинный зеркальный шкаф. Он полностью забит вещами, только твоими вещами, какие ты хочешь...
 Леша. Я сегодня в офисе впервые в жизни написал стихи.
 Вера. Хорошие?
 Леша. Плохие.
 Вера. Про что?
 Леша. Про всех.
 Вера. Прочти.
 Леша. Смеяться не будешь?
 Вера. Не смешно.
 Леша. Действительно, не смешно.
 Вера. Тогда читай.
 Леша. В новостях сообщили:
 На фондовой бирже обвалилась любовь,
 Падает курс нежности,
 Циркулирует со скидкой кровь,
 Народ в панике в банках
 Закрывает по вкладам чувства,
 На прилавках тел, на кассах души
 Круглосуточно пусто.
 Мы вычитываем из зарплаты взаимность,
 Отрезаем у страсти караты
 И сдаем раз в год в налоговую сердечные утраты.
 Ё! Ё! Ё!
 Вот так и живем мы в нашем Отечестве
 С мужским ощущеньем месячных.

Сцена 13

Эта же апрельская ночь. Злая и обреченная на подвиг Катя быстро идет по бульвару, на лавочках которого "культурно отдыхает" местная молодежь. Чудом не разбитые фонари освещают только лицо Кати.

Голоса. Девушка, девушка, куда шпаришь? ход! Куда разбежалась?
 Герла, не вилай задом так быстро! Замедли Катя. На подвиг.

Голоса. Какой такой подвиг? Еще успеешь! Отдохни с нами, чикса. Выпей за праздник — Первомай.

Катя. А ты достоин этого праздника?

Голоса. Еще как достоин! Вылупи очи, я же рабочий! Поцелуй трудящихся!

Катя. Больше ничего не надо?

Голоса. Можно и больше. А попка у тебя ничего.

Катя. Эта попка в танках горела, пока ты, гопник, в подъездах гадил, лампочки бил, на стенках гвоздиком свой крючок царапал.

Голоса. Ого. Заговорила. Ротик рабочий. Может, тебе гвоздиком между ножек нацарапать? Или ножик к горлу, чтобы не княвала?

Катя. Да я вас, гопота, и ночью не боюсь.

Голоса. "Ой, как хочется черную смелую женщину в День Победы!"

Катя. Ты еще доживи до победы.

Голоса. Опупеть! Храбрая ты наша, мы тебя не отпустим, пока с нами не посидишь. А то нам без тебя скучно.

Катя. Ах, скучно вам. Нечем заняться? Все пьете, ноете, воняете, заливаете свою ничтожность?

Голоса. Эта коза начинает меня раздражать. Она, наверное, не понимает...

Катя. Это вы не понимаете... не хотите замечать... ваши дни жалко... жалко и бездарно сжимаются в пружину... пружину... давя на вас беспросветной серостью... Неужели вам не

ясно... не ясно, что пружина... пружина может... может резко разжаться и выбросить вас в полную убогость?

Голоса. Хрень какая. Поэзия! Кто-нибудь понял эту Крупскую? А кто такая Крупская? Ты что? Жена Крупского. А! Ясно. Может, ее по кругу пустим?

Катя. Да! Замечательная мысль, животное. Сейчас зажжем с вами ночь! Кто первый?

Голоса. Так она сексуально озабоченная. Наш человек!

Катя. Ваш! Ваш! Только перед сексом выпить хочется.

Голоса. Угощайся. Тебе водки? Пива? Или чернила?

Катя. У меня свое есть. Офигительный коктейльчик. Все свое ношу с собой.

Голоса. Хозяйственная тварь.

Катя. Два глотка для рывка. И курить сильно хочется.

Голоса. Кури бамбук.

Катя. Не дерзи. Лучше угости сигареточкой, у тебя трусы в клеточку.

Голоса. Оборжаться! Клевая бабенка попалась!

Катя. А то! Все лучшее впереди! Где моя зажигалка? Вот она. Ну что? Вот и все... Гопота! Вы звери, гопота! С наступающим! Бабах!!!

Голоса. Бубух!!!

От взрыва фонари уже не уцелели.

Сцена 14

Вера в зоопарке сидит на лавочке и смотрит на вольеры. К ней присаживается Женщина-продавец, она же скупица ювелирных изделий и проститутка-неудачница.

Вера. А вы уже в зоопарке орудуете?

Женщина. Приходится. Я за маму работаю. Она в больнице лежит, вот я и подменяю ее. А вы с какими целями?

Вера. Тоже работаю.

Женщина. Тоже кого-то заменяете?

Вера. Да, одну партизанку на особом задании. Вы ее видели со мной в магазине. Сейчас она ранена.

Женщина. Интересно.

Вера. Очень. Как вы думаете? Эти животные в клетках понимают, что они пленники?

Женщина. А что? Животным хорошо. Живут себе, лежат себе...

Вера. А может, это еврейское гетто? Им хорошо было там жить себе, лежать себе? Вдруг этому журавлю страшно. Он думает: где его дети? А эта лиса? Ее разлучили с супругом. Он в одном концлагере, она в этом. Эта лама с

ужасом думает: сегодня ее сожгут или завтра, отняв ее хвост, мех, золотые зубы. А как умрет страус? От газа или от голода? А успеют ли освободить зубров союзники в последний момент перед казнью?

Женщина. Бррррр. Как тут мама работает? Брррр. Вы мне настроение испортили.

Вера. Может, поможем им сбежать?

Женщина. Моей маме это не понравится. **Вера.** А вам не страшно, если начнется война?

Женщина. Нисколечко. И не начнется.

Вера. А что может быть страшно?

Женщина. Ну... страшно, если снизят еще больше зарплату, отправят в неоплачиваемый отпуск, сократят на работе... Или если я не выйду замуж... Или если моя мама умрет... Это страшно.

Вера. Понятно. А для вас что-нибудь зна-

чит День Победы?

Женщина. Это праздник для всех. А лично для меня? Я же в магазине работаю. У нас это обычный рабочий день, уменьшенный на час. Салют, конечно, хорошо, но с каждым годом он для меня все менее красивый. Не радуется так, как в детстве. Да и на нем нет ни одного ветерана. Только пьяная молодежь на салют тянется, потом они дерутся, гадят у нас во дворе, бутылки разбивают. Утром идешь на работу, а кругом стекло и аммиак. Вот тебе и День Победы.

Вера. Вера, как можно играть партизанку, если ты этого до конца не чувствуешь? Как можно праздновать День Победы, не пережив этого счастья? Как ощутить всей кожей, нутром, телом, каждым органом, что произошло тогда? Вера, как ты можешь сыграть и победить, если твой любимый человек не чувствует твои проблемы?

Женщина. Вам плохо?

Вера. Нет, все в порядке. Мысли вслух. Не бойтесь, я не сумасшедшая. Я актриса, и у меня завтра премьера. Я играю партизанку.

Женщина. А! Так бы сразу и сказали. Ну, вы и даете. Ох, эти актрисы-женщины. А тяжело играть партизанку?

Вера. Тяжело.

Женщина. Ну, кроме ваших фантазий, как это тяжело?

Вера. И физически тоже тяжело.

Женщина. Не понимаю. Я в магазине на ногах целый день. Позвоночник сильно болит. Это тяжело. Потом подрабатываю. Ноги не

держат. Это тяжело. За мамой ухаживаю и здесь за нее работаю. Вот это тяжело. А что тяжелого в том, что вы играете партизанку?

Вера. Как вам объяснить? Как же вам все это объяснить? Ох-хо-хох. Вы прокладками пользуетесь?

Женщина. Конечно.

Вера. А без них могли бы?

Женщина. Ну что вы говорите!

Вера. А я могу. Потому что в сороковых годах их не было. Вот и я два месяца ими не пользуюсь. Тяжело?

Женщина. Ой, да, это очень тяжело. Походите! А если... это самое?

Вера. А если это самое, значит, меня ранили.

Женщина. Ужас!

Вера. Да я пошутила!

Женщина. Слава богу! Слава богу! Но теперь я точно поняла, что играть партизанку — это тяжело.

Вера. Возьмите это кольцо.

Женщина. Оно же обручальное.

Вера. Ну и что?

Женщина. Сколько хотите?

Вера. Ничего. Продайте его и на все деньги купите этим животным из гетто кошерные фрукты, овощи, витамины. Пусть они верят, что они кому-то нужны и что типа победа и освобождение близки.

Женщина. Они не дождутся свободы...

Вера. Они дождутся от вас хоть какого-то сопереживания и сочувствия. Сделайте.

Сцена 15

Майский вечер. Очень тепло. Наверное, к грозе.

Леша. Какой замечательный сегодня вечер. Где-то гром гремит. Как будто бои идут. Поздравляю. Завтра у тебя премьера.

Вера. Спасибо, зая.

Леша. Как настроение?

Вера. Игривое.

Леша. От слова "играть"? Завтра, в театре?

Вера. Не только. Хочется и сейчас поиграть.

Леша. Ё! С чего бы это?

Вера. А вот гены бабушки взыграли.

Леша. Ё! А веревка тебе зачем?

Вера. У нас, у партизанок, так принято. Расслабься.

Леша. Нет, что ты! Я не по этим делам!

Вера. А придется. Все! Я взяла тебя в плен.

Леша. Новые подпольные игры?

Вера. Почему бы и нет? К стене! Опустит руки. Молодец. На стул. Пожалуйста, люби-

мый. Сядь на стул. Какой ты у меня пугливый. Как олененок Бэмби. *(Связывает Леше руки и привязывает его к стулу.)*

Леша. Дальше что?

Вера. Вот так хорошо. А теперь ты будешь военным вуайеристом. Это твой наблюдательный пункт. Следи внимательно, как подписывают капитуляцию твои страхи.

Леша. Вера, что происходит?

Вера. Ты все сам увидишь. *(Открывает входную дверь и впускает Инструктора по фитнесу.)*

Инструктор. Я вовремя?

Вера. Ты всегда вовремя. Я так соскучилась по твоему гривуазному голосу с оттенком мягкой весны...

Инструктор. Класс, блин.

Леша. Кто это такой?

Вера. Как мне нравится, малыш, твоя пошловатая мордочка с глазами цвета нежной карамели...

Инструктор. Правда, блин?

Вера. Нет. Они цвета крыльев майского жука.

Леша. Кто это?

Вера. Не надо обращать на него внимание, красавчик. Он нам платит за сеанс нашего эксгибиционизма.

Леша. Чего?

Вера. Давай! Войди в меня, мой жеребец.

Инструктор. Супер.

Леша. Вера, перестань! Развяжи меня!

Вера. Да... Вот так... Хорошо... Целуй мою грудь. Какой ты спортивный, мачо, мускулистый...

Леша. Вера, так нельзя. Развяжите меня! Это жестоко, Вера!

Вера. Продолжай...

Леша. Это запрещенный прием. Так нельзя!

Вера. Да! Вот так! Быстрее, быстрее...

Леша. Ты не такая. Не такая, Вера! Хоть каплю сострадания...

Инструктор. Он плачет.

Вера. Не отвлекайся. У него аллергия. Он весной плачет всегда.

Инструктор. Он в натуре плачет, блин.

Вера. Не принял таблетку. У него приступ.

Леша. Нет! Это не аллергия! Это не цветы! Это не весна!

Вера. Ой, как хорошо!.. А что это тогда? Что?

Леша. Это... Это... апокалипсис... Это ад... я в аду. Я на войне...

Вера. Тебе страшно?

Леша. Хватит! Хватит! Перестаньте! Я не могу на это смотреть. Это мерзко!

Вера. Не останавливайся. Вот так! Да. Тебе страшно?

Леша. Это кошмар! Война — это смерть.

Смерть. Перестаньте! Я же живой человек.

Живой. Я же люблю тебя. Я не могу этого выдержать. Не могу! Это страшно. Я живой человек!

Я живой... живой... живой... человек... *(Теряет сознание.)*

Инструктор. Блин, он в обмороке.

Вера. Он тяжело ранен. Надо перенести его в постель.

Сцена 16

Коридор больницы. Катя с перебинтованными руками неуклюже ест сушки. К ней подходит Женщина — продавец-скупщица и так далее.

Женщина. Здравствуйте. А я вас узнала.

Катя. Ах да... Здравствуй, здравствуй.

Женщина. Вы меня извините за тот... наезд. Я тогда еще не знала, что вы — актриса-партизанка.

Катя. Ничего, ничего. Я и сама тогда не знала, что стану хорошей актрисой-партизанкой.

Женщина. Как оно?

Катя. Вы о чем?

Женщина. Вроде премьеры у вас вчера была.

Катя. Да. Это было прекрасно. Я так играла.

Так играла! Зрители почти выли от восторга. Мне аплодировали, аплодировали... Я никогда так не сыграю.

Женщина. Сыграете, еще как сыграете. А с руками что?

Катя. Обожглась недавно, фонари гасила. И прямо перед премьерой. Но мне это помогло лучше вжиться в роль. На перевязки теперь хожу.

Женщина. Наверное, это больно и некрасиво для вас?

Катя. Зато в меня влюбился доктор. И мне это нравится. Все эти дни он вызывает у меня улыбку. Я счастлива при каждой перевязке.

Женщина. Здорово. И я счастлива. У меня мама идет на поправку. После праздника выпишут.

Катя. Да, завтра День Победы.

Женщина. С праздником.

Катя. Спасибо. И вас.

Женщина. Вам удобно сушки есть? Может, помочь?

Катя. Да я уже привыкла. Угощайтесь.

Женщина. Да неловко как-то. Я же в магазине работаю.

Катя. Ничего. Они вкусные.

Женщина. Спасибо. Я сегодня даже не позавтракала. Замоталась я на разных работах. Все такая суета! А если завтра война? Куда тогда все мое приданое? Эх... Никогда не думала, что сушки такие вкусные. Возьмите за это брошку. Она золотая.

Катя. Что вы? Не надо. Кушайте так. Это же всего лишь сушка!

Женщина. Так и это всего лишь брошка! Подумаешь, золотая.

Катя. Хорошо.

Женщина. Давайте помогу. *(Вешает ей на грудь брошку, как медаль.)* Вам к лицу.

По коридору идет Инструктор по фитнесу.

Катя. Молодой человек! Молодой человек! Привет. Вы к кому?

Инструктор. Привет, блин. И вы тут? Ужас.

Катя. Я ужас?

Инструктор. Ой, блин. Простите. Я не про это.

Катя. Что вы тут забыли?

Инструктор. Ай. Вот к психотерапевту записался. Нервы, блин, ни к черту. Война снится. Партизанки всякие...

Катя. О! Это серьезно. Кстати, вот. Рекомендую. Очень хороший психолог. Специалист с большим приданым. Ой, то есть с большим увлекательным опытом.

Женщина. Я вообще-то...

Катя. Внимательно вас выслушает, расслабит, успокоит, увлечет. Работает по вызову.

Инструктор. Правда?

Катя. Конечно. Я плохого не посоветую. Мне на прием. Познакомьтесь, разберитесь. Пока-пока. Если что пойдет не так, то уж не обессудьте. Еще раз с праздником. *(Уходит.)*

Женщина. С днем!

Инструктор. Победы... Вы знаете, я в последнее время плохо сплю. Или это полнолуние, или Девятое мая, но я как партизан. Воюю всю ночь, а потом в диком ужасе просыпаюсь от каждого шума, от автосигнализации, от шепота за форточкой...

Женщина. Я вам помогу. Я помогу вам.

Сцена 17

Майская ночь, теплая постель.

Леша. Пить... Пить...

Вера. Терпи, милый, тебе нельзя пить.

Леша. Воды... Пить хочу... Мне больно...

Вера. Тебя ранили. Тише, тише, любимый. Терпи, Леша, терпи.

Леша. Как мне плохо... Как будто меня связали...

Вера. Тебя ранило в боях, я вынесла тебя с поля, тебе ампутировали все ненужные чувства и мысли, тебе станет легче.

Леша. Мне казалось... был период космического затмения... За это время я научился любить боль, пережил смерть... научился совершать чудеса, выпил много корвалола... а в последнюю ночь затмения я танцевал в клубе... на вечеринке собственного мазохизма...

Вера. Ты бредишь. Это нормально.

Леша. Я заказывал в баре новые порции боли... чтобы понять, насколько я могу быть сильным... Все это я выдержал... Я сильный...

Вера. Ты сильный. Ты очень сильный.

Леша. И великодушный. Только как тяжело быть сильным... и как обидно быть хорошим...

Вера. Это бред. Все будет в порядке. Мы живем. Мы будем жить.

Леша. Как больно...

Вера. Так бывает после контузии. Выздоров-

ливай. Война уже закончилась.

Леша. Закончилась?

Вера. Да. Мы победили.

Леша. Мы все-таки победили. Ё. Ё. Ё.

Вера. Ё. Ё.

Леша. Ё. Ё. Ё.

Вера. Спи, мой хороший. Спи крепко. И храпи. Храпи громко. Теперь можно храпеть громко. Спи, солнышко мое.

За окном гремит салют.

Тише, не бойся. Это праздничный салют. Это День Победы. Спи, дорогой. Я колыбельную тебе спою. Спи, мой любимый.

"Белый аист летит,

Над белесым Полесьем летит.

Белорусский мотив

В песне вересков, в песне раки".

Леша. Ё. Ё.

Вера. Спи, спи.

"Все земля приняла:

И заботу, и ласку, и пламя.

Полыхал над землей

Небосвод, как багровое знамя.

Молодость моя, Белоруссия.

Песня партизан, сосны да туман...

Песня партизан, алая заря...

Молодость моя, Белоруссия..."

Зана вес